

Местом их встречи стал один из самых процветающих домов утех на берегах Циньхуай, носивший имя «Цветок, понимающий речи». Как и следовало из названия, здешние девушки не ограничивались лишь плотскими утехами: они в совершенстве владели музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью, были чутки и умели хранить тайны, превратив заведение в огромную, мягкую пучину блаженства. Среди посетителей, помимо купцов, встречалось немало столичных сановников.

Сяо Цичэнь сюда притащил Се Хуэй, на ходу сочинив ему легенду — будто бы тот младший сын богатого торговца с Юга.

Се Хуэй чувствовал себя здесь как рыба в воде. Вызвав двух девушек и заняв отдельный кабинет, он предался мелодиям пипы и песен. Алые пальчики, янтарное вино — казалось, вот-вот погрузишься в сладкое забвение... И тут Сяо Цичэнь своим вопросом развеял весь настрой.

Се Хуэй бросил певице игривый взгляд, с удовлетворением отметил, что та сбилась с такта, и лишь тогда ответил:

— Потому что тебе не дано быть столь же беззаботной?

Сяо Цичэнь задумался. — Женская интуиция тоньше. Сам Су Янь, возможно, и не осознаёт, что на самом деле Жун Нян ему не по душе, но она, должно быть, уже всё поняла. Будь его чувства искренни, в первые дни после свадьбы они бы не разлучались, наслаждаясь молодостью и страстью, а не бегал бы он каждый день на плац, словно от кого-то прячась.

Едва он договорил, девушка с пипой засмеялась и смело вставила:

— Судя по словам господина, вы хорошо разбираетесь в помыслах тех, кто ищет утех.

Сяо Цичэнь подмигнул ей, отчего юное личико залилось румянцем.

Се Хуэй, наблюдавший за сценой, язвительно процедил:

— Недаром сегодня ты соизволил составить мне компанию в этом весёлом квартале. Выходит, израненная душа ищет утешения среди «цветов, понимающих речи»? Говорил бы раньше, господин... Я с тамошней хозяйкой, госпожой Фу, накоротке. Велеть мамаше её позвать — составит тебе компанию?

Он нарочито выделил последнее слово, и его волчьи аппетиты были очевидны. Сяо Цичэню после нового года должно было стукнуть восемнадцать, и в Чертоге Чэнлань хватало служанок подходящего возраста, однако он ни к одной даже не притронулся. Сначала Се Хуэй полагал, что принц, при всей внешней небрежности, строго блюдёт приличия, но позже узнал истинную причину.

Хотя среди чиновников Нань Лян многие питали склонность к мужскому полу, открыто это не признавалось. Тем паче юноши, содержащиеся в задних дворах домов утех, зачастую были нежнее и прекраснее девушек. Се Хуэй как-то попытался из любопытства, но так и не проникся. Ему и в голову не могло прийти, что Сяо Цичэнь положил глаз на самого Су Яня.

Су Янь ни капли не походил на женщину: вечно в латах, с мечом у пояса, по полдня пропадал на плацу, покрытый пылью. На встречах одевался проще некуда, и говорить о «нежности» не приходилось — он словно нарочно портил свою приятную внешность.

Прокрутив эти мысли, Се Хуэй собрался продолжить намёки, но Сяо Цичэнь взглянул на него,

как на дурачка:

— На кой мне компания? Только девиц от работы отрываешь. Мне твоего общества хватит.

Се Хуэй чуть не взвыл:

— Ваше высочество! Да я и сам сюда развлечься пришёл!

Сяо Цичэнь наивно округлил глаза:

— А не боишься, как бы я не проболтался твоему деду, министру Се, что ты вместо императорского пира на Новый год в борделе вино распиваешь? Задаст он тебе взбучку, не встанешь.

Се Хуэй: «...»

С видом мученика он осушил чашу, подпер подбородок и под сдерживаемый смех девушек сдался:

— Пощади... Ладно, последний раз: поменьше о Су Яне, побольше о твоём «Рассуждении о Водных канонах».

Сяо Цичэнь погладил подбородок, и на губах его сыграла многозначительная улыбка. — Его мне тоже А Янь раздобыл.

Се Хуэй бессильно рухнул головой на стол.

Южные напевы вещали не только о горечи разлуки, но и о цветущей юности.

Перебор струн пипы, переливы цитры, и голосок, чистый как жаворонок, заводил повесть о том, как юная девица тайно вздыхала по соседу-студенту, как цветущий лик смятенье в отроче сеял, как весенний дождь, переходя в летний, орошал пепел тоски.

Слушая эти песни о ветре, цветах, снеге и луне, Сяо Цичэнь почувствовал, что певица проникает в самую душу. «Песнь юэса» заставила сердце сжаться, а слова обернулись нежной рукой, которая чуть сожмётся — и хлынут слёзы, что выплакать нельзя.

«На горах есть деревья, на деревьях есть сучья. Сердце моё к тебе лежит, но ты не знаешь...»

Под эту песню они с Се Хуэем осушили целый кувшин. Когда они, одурманенные, покинули дом утех, с свинцового неба пала первая снежинка.

До Нового года оставалось три дня, когда Сяо Цичэнь неожиданно подал прошение отправиться в округ Цингуан для надзора за гидротехническими работами. Момент был ни туда ни сюда. С одной стороны, за годы борьбы со стихией все привыкли — с наводнениями не шутят. С другой — весной, с таянием снегов в верховьях, уровень воды в низовьях неминуемо поднимется, и тогда не избежать паводка.

Сяо Янь не стал раздумывать и утвердил прошение. В сопровождение назначил недавно повышенного до шаофу Хань Гуана.

Он покинул столицу без лишнего шума. Когда же Су Янь узнал об отъезде, перерыл весь Цзиньлин — тщетно.

Новогодние праздники были в разгаре. В прежние годы Су Янь либо был в Сюйчжоу, либо семья не собиралась в полном составе, и торжества проходили блекло. В этом году с появлением Ли Жун всё изменилось. Возвращаясь из Гвардии доблестной кавалерии домой, Су Янь увидел красные фонари и парные надписи у входа в главный зал — и в душе шевельнулось давно забытое ощущение праздника.

— Я не знала, какие тебе по душе, вот... попросила старшего брата выпросить у господина Се две пары, — сказала Ли Жун, только что приклеившая надписи на двери восточного флигеля. Заметив Су Яня, она спрыгнула со скамейки и поправила прядь, упавшую на щеку.

Су Янь взглянул на иероглифы. — «Луна ущербна и полна — звёзды в очах; цветы распускаются и опадают — меж ветвей сердца... Господин Се?

Ли Жун, моргнув, пояснила:

— Заместитель министра Се Хуэй. Ещё до замужества слышала, что он талант, известный по всей Поднебесной. Старший брат с ним знаком, а когда узнал, что для дома хоу, написал две пары. Вот ещё: «Вся жизнь — страсть к пейзажам гор и рек; все четыре сезона — песни солнцу и луне».

В словах был скрыт некий смысл, но Су Янь, учившийся в юности неважно, так и не смог уловить замысел Се Хуэя. Видя, как Ли Жун с улыбкой ждёт оценки, он слегка поднял уголки губ:

— Хорошо.

Перед новогодним ужином Ли Жун сбегала на кухню и принесла блюдо с пельменями. Су Янь попробовал пару — на вкус так себе. Но, заметив её полный ожидания взгляд, понял: это её рук дело. И похвалил:

— Пельмени славные.

Родители нахваливали её не переставая, господин Ли в последнее время тоже смотрел на Су Яня всё благосклоннее. Молодые супруги не могли назваться идеальной парой, но жили в согласии и взаимном уважении.

Ночью Су Янь отправился в молельню бдеть.

После его женитьбы госпожа Цао понемногу стала отвлекаться на другие дела и захаживала в молельню реже. Когда Су Янь вошёл, неугасимая лампада уже почти потухла. Он подлил масла, но, не найдя благовоний, просто опустил на подушку.

В богов он не верил, просто в молельне легче было обрести душевный покой. Посидев с минуту, он почувствовал, как веки наливаются свинцом. Подперев подбородок, устался на дрожащий огонёк лампады.

— А Янь? — сзади раздался робкий голос. Су Янь обернулся: в молельню входила Ли Жун. — Не нашла тебя, спросила у матушки, где ты. Она сказала, наверное, у А Цзиня.

Су Янь усмехнулся. — Нет, не к нему. Просто на душе тревожно. Присаживайся.

Ли Жун покорно опустилась на подушку рядом и замолчала. Будь на её месте другой, засыпал бы вопросами, но Ли Жун, казалось, даже не думала спрашивать. Су Янь сам спросил:

— А тебе не любопытно, что меня тревожит?

— Не говоришь — значит, не хочешь, чтоб я спрашивала. К чему тогда лишние слова? — парировала она и, видя его смущение, достала из рукава бумажный свёрток с засахаренными сливами.

Су Янь спросил:

— Лакомство?

— На днях от нечего делать увидела, как на кухню принесли. Говорят, батюшка вино собирается ставить. Я парочку выпросила, — пояснила Ли Жун, поднося одну к его губам. — Сладкие. Хочешь?

Су Янь хотел отказаться — сладкое не любил, — но, не сумев ей перечить, взял в рот.

Дальше говорить было не о чем. В молельне стояла небольшая буддийская статуя. Су Янь не знал, какое именно божество в ней заключено, оберегает ли оно покой или нечто иное. Ли Жун тихо прижалась к нему, вскоре сон сморил её, и она склонилась на его плечо.

— Жун Нянь, — тихо позвал он. — Устала — иди в покои отдыхать. Я привык бдеть.

<http://bllate.org/book/15940/1425149>